

## МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

КОНДРАШОВ Н. А.

## ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ В. Н. ТАТИЩЕВА

Общелингвистические воззрения и конкретные суждения В. Н. Татищева (1686—1750) о перспективах развития русского литературного языка в полном объеме еще не подвергались исследованию. Отчасти это вызвано естественным стремлением ученых гуманитарного профиля выяснить другие стороны научных интересов первого нашего историка-энциклопедиста — собственно исторические, географические, экономические, юридические и др. Вторая причина заключается в неблагоприятных внешних обстоятельствах, вследствие которых важнейшие труды В. Н. Татищева были опубликованы только после его кончины, и многие работы, особенно в области русского языкознания, до сих пор хранятся в архивах, а содержащиеся в них данные не введены в научный оборот.

Между тем В. Н. Татищеву принадлежит несомненный приоритет в постановке и посильном решении ряда общезыковедческих проблем, к которым, в частности, относятся: 1) трактовка языка как средства общения; 2) обоснование тезиса о связи истории языка с историей его носителей; 3) понимание важности изучения и классификации языков многочисленных народов России; 4) предвосхищение фундаментальных идей генетического родства языков и принципов сравнительно-исторического языкознания; 5) выдвижение тезиса о языковых контактах как следствии исторического взаимодействия соответствующих этнических групп; 6) интересные и для нашего времени соображения о роли и происхождении письма и письменности, в частности, у славянских народов [1].

Будучи активным сподвижником Петра I и одним из наиболее образованных людей своего времени, В. Н. Татищев большое внимание уделял анализу состояния русского литературного языка первой половины XVIII в. и развивал мысли, которые по прошествии двух с половиной столетий представляются вполне обоснованными и разумными. Некоторые его идеи были развиты и нашли воплощение в языковедческой деятельности В. К. Тредиаковского и М. В. Ломоносова. Отметим прежде всего: 1) борьбу за самобытность русского литературного языка; 2) стремление размежевать сферы употребления церковнославянского и собственно русского языков; 3) постановку проблем упорядочения русского литературного языка на различных уровнях: а) предложения по реформе русской орфографии; б) борьбу с мертвыми и обветшалыми грамматическими категориями; в) лексикографические разыскания; 4) суждения о взаимодействии литературного языка и русской разговорной речи; 5) анализ условий и факторов заимствования иноязычных лексических элементов и рационалистический подход к их оценке в системе русского литературного языка; 6) глубокий интерес к истории русского языка, нашедший отражение в обогащении источниковедческой базы, анализе языка ряда древнерусских памятников и этимологических разысканиях в области древнерусских слов [2].

Приступив около 1727 г. к работе над «Историей Российской» [3, с. 6], В. Н. Татищев непосредственно занялся вопросом о сущности языка и его роли в жизни древних и современных обществ. Татищев выделяет коммуникативную функцию языка. Он видит в языке основное средство общения: язык служит, чтобы «другие народы разуметь и им наше мнение объявить могли» [4, с. 91]. Отсутствие языка, по мнению Татищева, напо-

минает младенца, который «без речения другим и ближним себе своего мнения и желания изобразить и других разуместь» не может [4, с. 70]. Выделение человека из мира животных обусловлено именно возникновением «речения», языка, «которым мы пред прочими животными преимуществовать не щуем (полагаем, — *К. Н.*), в недостатке бо речения ни совершен, ни доволен, следственно, спокоен быть человек не может» [4, с. 89].

В связи с развитием языков Татищев выступает против библейской легенды и высказывает смелые для своего времени антиклерикальные суждения: «Сие же когда тако разсудить, что все народы, колико их разных званий было и есть, по уверению Моисееву, от единого Ноя и его сынов произошли, убо все равны. Но чтоб можно сказать кто от которого сына пошел, оное весьма сумнительно, ибо чрез так много 1000 лет народы переходя мешались, иногда пленниками и покоренными себе размножались, иногда пленением и обладанием от других язык свой переменить и оставить принуждены были, следственно, по языку за иной народ, нежели подлинно суть, почитаются» [5, с. 313]. И в другом месте: «Сколько и которые языки первые при столпотворении были, оное... ныне чрез неколико 1000 лет и за пагубление многих древних книг нам подлинно неизвестно» [4, с. 95]. Поместив из осторожности богословие среди «нужных» наук (наряду с грамматикой, медициной, экономией, логикой и правом), Татищев не удерживается от отрицательного отношения к церкви (правда, со ссылкой на католицизм): «Чтоб народ в темноте неведения содержать, обоих вымысел един, ибо папы, кроме латинского языка, книг законных печатать и, кроме духовных (и то с тяжкою присягою), богословии учить не допускают» [4, с. 100].

Татищев ясно осознавал важность языковедческих сведений и вообще владения иностранными языками при изучении истории России. Он сам владел польским, немецким, французским, шведским и классическими языками. Татищев выдвигает целую программу привлечения иностранных источников для освещения исторического развития страны. По его мнению, историку необходимо знать «о имени, какого оное языка, что значит и от какой причины произошло. К тому ж надлежит знать, какой народ в том пределе издревле обитал, как далеко границы в которое время распространились, кто владетели были, когда и каким случаем к России приобщено. На сие требовалось обстоятельной русской древней истории, а за недостатком к тому на русском языке необходимо нужно от иностранных и едва не всех знатных языков, яко из Азии арапского, турецкого, персидского, татарского и калмыцкого, потому что сии народы в древние времена многие с Россиею и принадлежащим к ней пределом и народов дела их, достаточные известия имея, описали, а из европейских греческих, латинского, венгерского, немецкого, шветского и сарматского или финского языков книги весьма нужны были» [5, с. 89].

В духе петровских реформ Татищев усматривал в изучении иностранных языков и сугубо практическое значение, так как на западноевропейских языках представлена важнейшая научная литература. Общественно-политическое значение овладения иностранными языками не раз подчеркивалось Татищевым: «еже всякому шляхтичу надобно думать какой-либо знатной чин достать и потом или самому для услуги государственной в чужие краи ехать, или в России иметь с иноязычными обхождение. И тако ему необходимо нужно другой европейской язык знать» [4, с. 101].

В. Н. Татищев был первым русским ученым, обосновавшим тезис о связи истории языка с историей говорящего на этом языке народа, он первым указал на языки как памятники истории народов. По мнению ученого, вопросы исторического развития и происхождения народов лучше всего решать, опираясь именно на языковые данные: «Что оной издатель о происшествии народов тилился доказывать языками, оное есть междо всеми наилучший способ, а особливо в случае недостатка дееписаней» [6, с. 405]. В связи с этим он считал необходимым определение генетической близости и родства языков: «Наипаче всего нужно каждого народа язык знать, дабы чрез то знать, коего они отродья суть» [7, с. 94].

Самыми древними источниками для истории, по мнению Татищева, являются сохранившиеся предания и сказания различных народов, возникшие задолго до появления письменности. В этих преданиях содержатся указания на прежние места обитания, причины и пути переселения народов. Языки помогают раскрыть смысл и этническую принадлежность топонимических названий: «... от оных сарматских (угро-финских. — К. Н.) языков, у которых преданиями из древности где прежнии их обиталища были, причины, для чего из оных переходили, хранятся. Не меньше же когда звание городов, рек, озер их языка в тех местах остались, то наипаче оное утверждается» [4, с. 103]. В этих суждениях Татищев непосредственно опирается на мысли Г. В. Лейбница о значении данных «географии земли».

Татищев связывал проблему языковой изменчивости с процессами этнических взаимодействий, языковых контактов, с расселением племен и другими историческими фактами. Об этом свидетельствуют такие его высказывания: «Римская великая возрастающая власть и сила так язык латинский распространила, что от самого западного океана до Германии, т. е. Португалия, Испания, Франция, Италия не иной, как латинский язык употребляли» [5, с. 343]. Отмечает он и влияние языка побежденного народа на язык победителя: «Когда который народ, пришед, чье-либо владение силою овладел и долго в тех местах обитал, то хотя тот народ в своем подданстве имели, многих из оных своим языком говорить принудили, но и сами многие слова от тех обладанных в свой собственный язык употребили, а старые свои слова оставили» [4, с. 96]. Говоря о языке коренных римлянами народов, Татищев утверждал, что их язык так испортился, что «нимало первому не подобен, и сей не иначе, как смешенный назвать должно» [4, с. 97].

Особенно интересны его рассуждения о сходстве и отличии славянских языков: «Славяне же, мню, в глубокой древности живучи, по разным и весьма отдаленным местам и с разными языки сообществуя, в языке уже разность немалую имели, как древнейшие письма всех оных могут доказательством быть» [5, с. 342]. Применительно к русскому языку Татищев отмечал диалектные явления: «Но есче во всех пространных государствах есть и партикулярное по разстоянию дальности пределов не токмо в провозглашении или ударении гласа, но в именах и глаголах такое различие, что сошедшийся один другого не вскоре совсем выразаумеют. Яко у нас сибиряки, великороссиане, малороссиане, низовые и поморские один з другим весьма различаются, например, ковш и корец, квашня и дежа и пр.» [5, с. 342—343].

Глубокое знание истории и языковых отношений своего времени позволило Татищеву сделать проницательный вывод о самостоятельности украинского языка [7, с. 171].

Различия между славянскими языками Татищев, как позднее и А. Х. Востоков, показывает путем сравнения русского и польского языков. В польском он усматривает «повреждение», ибо «поляки онаго довольно учинили, яко везде, где в славенском де и ди, они пишут и говорят дзе и дзи, яко вместо дева, дело, диво говорят дзева, дзело, дзиво и пр.... Они же, где в славенском р пишется, влагают ж, яко вместо репа, ревность, рядом говорят ржепа, ржевность, ржондем; часто же к А и О прилагают Н, яко жондло, жолондз, хронщ, монж вместо жало, жолудь, хрящ, муж и пр.» [4, с. 97—98].

В особенности наглядно представлял Татищев взаимодействие языков, обсуждая проблему заимствованных лексических элементов. После принятия христианства «от греков купно с приятием веры христианской многие слова еврейские, сирийские, греческие, а наипаче звания в службе божией, чинах церковных и пр. восприяли, яко еврейскаго равви — учитель, пасха — переходение, аллилуйя — хвалите бога, сирийское мамона — богатый, голгофа — лобное место, персидское корван — скрыня или ковчег; греческия же наиболее, яко литургия — служба божия, таковы звания чинов церковных и почитай все имена людей. Из сих первые едва ли не у всех христиан остались не прменны, а последняя, то есть

звание церковных служителей и людей имяна некоторые дают своего языка, как и у нас в древние времена именовали, и довольно таких было. И ныне многие знающие, что имяна давать нет никакого закона, дают своего языка, яко Богдан, Нечай, Любим, Славим, Вера, Надежда, Любовь и пр.» [4, с. 98]. Татищев первым обратился к изучению тюркских заимствований в русском языке: «Мы под власть татарскую пред 700 лет несчастием впали и от них такожде многие приняли, например, вместо стража, стрельница, неимущей, седло, одежда, шапка говорим караул, башня, бобыль, арчак, кавтан, калпак и пр.» [4, с. 97].

В. Н. Татищев был первым русским ученым, установившим классификацию многочисленных языков России. В этой работе у него были предшественники. Еще Лейбниц настоятельно добивался получения образцов всех языков, распространенных в России. Некоторые сведения о языках Сибири были собраны экспедицией Д. Г. Мессершмидта. Этнографические, исторические и лингвистические материалы были собраны в Сибири помощником Д. Г. Мессершмидта Ф. И. Таббертом-Страленбергом (1676—1747), издавшим позднее в Швеции свое историко-географическое описание и карту Сибири [8]. В отличие от Страленберга, Татищев был лучше знаком с языковыми отношениями в Поволжье, на Урале и в Сибири. Вопросы, составленные им и рассылаемые по различным губерниям, свидетельствуют как об огромном фактическом материале, обогатившем науку, так и о стремлении Татищева решать этногенетические отношения народов прежде всего на основе языковых фактов. Это отмечено в востоковедческой лингвистической историографии [9—14].

По мнению Татищева, существуют три главных народа, которые упоминаются еще древними писателями. В «Предъизвещении» к «Истории Российской» он писал, что поставил целью прежде всего «описать древние, касающиеся отечества нашего, три главные и от них произошедшие народы, яко скифы, сарматы и славяне» [5, с. 89]. Отличая сармат от скифов, Татищев пользовался первым термином для обозначения финно-угорских народностей, а вторым — для обозначения тюркских (шире — алтайских) народностей.

Татищев выделял следующие группы родственных языков, подробно отмечая состав каждой из групп — сарматской, татарской, странноязычной и славянской.

1) Народы с а р м а т с к о г о языка, который Татищев считал во многом сходным с финским и лапландским. К этой группе относятся: финны, вотяки (воты, ари) — совр. удмурты; вогуличи (манчи) — совр. манси; остяки (ханты, удоры, обдоры, конды или кондоры, барабинцы) — совр. ханты; черемисы (меря, мари) — совр. марийцы; ливы (лети, литва) — совр. ливы (Латвия); бярами (перми, емь, ямь, чухна, зыряне) — совр. коми; корелы; есты (естляндцы) — совр. эстонцы; венгры или угры (маджари). К этой группе Татищев относил и чувашей.

2) Народы т а т а р с к о г о и к а л м ы ц к о г о языков — скифы: а) народы тюркской группы: татары касимовские, казанские, астраханские (или ногайские); мещеряки — совр. ногайцы; башкиры; якуты; трухмены — совр. туркмены; киргиз-кайсаки — совр. казахи; каракалпаки; бухарцы, хивинцы, ташкентцы — совр. узбеки; б) калмыки; мунгалы; буряты (братья, орочи); зюнгоры — совр. калмыки, тунгусы конные — совр. эвенки. Поэтому он сближал языки тунгусо-маньчжурской группы с монголо-калмыцкими, предвосхитив современные суждения об алтайской группе языков.

3) Народы с т р а н н о я з ы ч н ы е. Многие народности крайнего Севера Татищев обозначил как странноязычные, так как их языки ни с татарским, ни с сарматским не сходны [7, с. 173]. Это юкагиры, камчадалы — совр. ительмены, курилы, коряки, чукчи, или чукоты, саслагеры. По мнению Татищева, языки этих народов не только отличаются от финно-угорских и тюркских, но и во многом отличаются друг от друга. Татищев, очевидно, не имел оснований детальнее характеризовать языки, относимые ныне к палеоазиатским, но он отметил родство камчадальского и курильского, корякского и камчадальского, чукотского и камчадальского.

4) Народы с л а в я н с к о г о языка. Татищев приводит сведения о славянах у древних авторов (Геродота, Страбона, Плиния), которые, по его мнению, упоминают славян под различными названиями — аланы, венеды, алазоны, склавины, анты, галаты, норики и т. п. Он убежден в древности этих народов: «Хотя подлинно о старости звания сего сколько мне известно, прежде Прокопия не упоминается, но народ, без сомнения, так стар, как все прочие. И хотя оно́е (название. — *К. Н.*) прежде за отдалением римляном знаемо не было, однако же то вероятно, что оно́е весьма древнее и всем того языка или по малой мере по Днестру и Днепру обще употребляемо было, да и на север не поздно перенеслось» [5, с. 311—312]. Причисляя к славянским народам сербов (далматов, славонов, кроатов и пр.), болгар, мораван, чехов, или богемов, вандалов (лужичан), поляков и русских, Татищев делает важный вывод: «Все сии, как видимо, от начала одного были, но потом в речении так далеко друг от друга разделились, что один другого без довольного учения или долговременной привычки разуместь не может» [4, с. 96].

Славян Татищев подразделяет на четыре группы: 1) восточные славяне, занимающие территории от левого берега Днепра до Каспийского моря и Кавказских гор; 2) западные славяне — от правого берега Днепра до Эльбы: поляне, древляне, моравы, силезы, богемы, или чехи, кашубы и померане, полабы, венеды или венеты, поляки (ляхи); 3) северные славяне, занимающие территорию Великой Руси (Новгородская, Поморская, Псковская и Белозерская губернии); 4) южные славяне — от Днестра до Средиземного моря.

Татищев знал о родстве балтийских языков: «Язык пруский всячески был сходен с литовским, куронским и летским, почему пристанет на то, что народ того же рода был» [5, с. 209]. Он не только констатирует родство известных ему языковых семей (для суждений о родстве индоевропейских языков у него, очевидно, не было материала), но и стремится выявить его причину. Эту причину он усматривает в происхождении родственных языков из одного праязыка, предвосхищая на целое столетие основной тезис сравнительно-исторического языкознания. Он так формулирует этот принцип: «Но что из одного многия разныя языки произошли, то по сродству в языках многие познаются, что прежде были одного или, по случаю один другого многие слова приав, свой собственный потеряли» [4, с. 96]. В своих работах Татищев писал о распаде праславянского языка. Подобное же мнение он высказывал относительно финно-угорских языков: «В сихъ странах прежде жилъ сарматской народ, их же останки фины, лифляндцы, или варяги, литва, куры, или курляндцы, чуваша, черемиса, мордва, вотяки, остяки, лопане, и др., которые древле своимъ языкомъ все обще сарматы именовали» [15, с. 91].

Генеалогическая классификация языков народов России, четкое выделение финно-угорской, тюркской, монгольской, палеоазиатской и славянской языковых семей опирались у Татищева на огромную подготовительную работу, которая не имела ничего общего с умозрительными построениями. Реальная база языковых сопоставлений содержалась в его анкетах-вопросниках, предусматривающих ответы на следующий важный лингвистический вопрос [7, с. 37]: откуда произошло имя (название) народа, древнего и современного.

Что касается лексического материала, привлекаемого для сравнения, то Татищев настаивал на важности использования таких групп лексики, как числительные и слова основного словарного фонда. Исследователь деятельности В. Н. Татищева А. И. Андреев полагает, что анкетный материал, собранный Татищевым, «является первым по времени материалом XVIII в. о народах Сибири, собранным по известному плану, для своего времени, вполне научному» [9, с. 97].

Методику сравнения и этимологизирования, которой пользовался Татищев, можно проиллюстрировать на его рассмотрении названия р. Термеринда, которое толковалось в древних источниках как «матерь Понта». Опираясь на языковые факты, Татищев полагает, что этот гидроним принадлежит неизвестному языку и должен толковаться иначе. «Какого бы

языка сие было, не знаю, во-первых, ни славянское, ни греческое, у сарматфинов мать — айти, у чуваш, а ныне черемис — атей, мордвы — татей, вогулич — анати; татарское, а не чегодайское и загатайское — чичай, или шишай, калмыцкое — оеки, мунгальское — аехе. Следственно, ни единое не походит и потому нужно быть инаго неизвестнаго мне языка» [5, с. 173].

Выделяя три этапа всемирного «умопросвещения», Татищев относит к ним: 1) изобретение письма; 2) «пришествие» христианства; 3) «обретение тиснения книг» — книгопечатание. Важность письма он видит в том, что люди «возымели способ вечно написанное в память сохранить и далеко отлучным наше мнение изъяснить» [5, с. 92]. Татищев отмечает следующие этапы развития пиктографии и иероглифики: «...первый образ писания был не буквами, но знаками вещей, еже иероглифия именовали, которое доднесь на многих египетских древних зданиях, столпах, пирамидах и пр., равно же тому в Сибири на некоторых каменных горах недоводою краскою написанные и высеченные начертания людей, зверей, птиц и пр. видимы» [4, с. 94].

По мнению Татищева, «подлинно же славяне задолго до Христа и славяно-русы собственно до Владимира письмо имели» [5, с. 93]. Он оспаривался при этом на критическом изучении языка «Русской Правды». Татищев предполагает, что этот свод законов сочинен задолго до Ярослава, вопреки указанию «Повести временных лет», ибо «в объявленном законе речения и обстоятельства включены, которых задолго до Владимира и нигде у славян во употреблении уже не было, но были в самой древности, Ярославу же вымышлять причины не было» [5, с. 96].

Истоки докирилловского письма Татищев связывает как с влиянием византийской и римской письменности, так и с германским посредничеством. Обитая по соседству с греками и римлянами, «не трудно было оным предкам нашим, именуемым от грек скифом, письмо греческое задолго до пришествия Христова иметь» [5, с. 94].

В. Н. Татищев жил и творил в чрезвычайно важный период, когда русский литературный язык, преодолевая средневековое двуязычие, разрешал возникшие противоречия и готовился стать полноценным орудием удовлетворения потребностей цивилизации нового времени. Он всегда отмечал богатые выразительные возможности родного языка: «Мы хотя можем похвалиться, что наш язык многих полнее и плодотвее, и, мною, что в философии, мафематике и протчих науках не хуже французского и германского; но еше кратче изъяснить можем, что некоторые члены руской Академии изданием преизрядных книг засвидетельствовали» [5, с. 342]. В качестве образцов высокой книжной культуры и возможностей русского языка он приводит труды М. В. Ломоносова, В. К. Тредиаковского и А. П. Сумарокова: «...особливо господина профессора Ломоносова изданная Реторика и другие, яко же Тредиаковского и господина Сумарокова стихотворные, хвалы достойны» [5, с. 342]. О занятиях Татищева родным языком было известно и его современникам. Так, М. В. Ломоносов в своем письме в ответ на просьбу Татищева написать предисловие-посвящение к «Истории Российской» писал: «Письмо, чрез которое ваше превосходительство принесло мне немалую радость, ибо, кроме него, что особою вашего превосходительства к почтению всяк побужден быть должен, имел я издавна желание изыскать случай, как бы вашему превосходительству показать мою услужность, для того что об охоте вашей к российскому языку слышал довольно, к которому и я труд свой по силе прилагаю» [16, с. 461].

В период бироновщины (1734) Татищев при разработке «Горного устава» заменил немецкую терминологию горных работ, чинов и орудий русскими эквивалентами, которые, на его взгляд, более точно и понятно выражают смысл [17, с. 186].

Татищев стремился разжевывать сферы употребления церковнославянского и русского языков [18, с. 180]. Он проникательно отметил широкое вхождение в литературный язык народно-разговорных элементов. В 1736 г. ученый посылает в Академию наук сборник русских пословиц (числом

в 1478 единиц), имея в виду как обогащение языка, так и исторические цели [19].

Татищев указывает на смешение разговорных слов с церковнославянскими, например, *вот, чуть, эво, это, пужаю, это, чорт* вместо *се, едва, zde, сие, страшу, сие, бес* [4, с. 96], отрицательно отзываясь о качестве некоторых переводов [20, с. 260], предъявляет высокие требования к языку деловых документов («Чтоб закон внятен и всем подзаконным вразумителен был. Для сего нужно законы таким речением писать, которым большая часть общенародия говорит, и суще самым просторечием, без витийства и красноречия, меньше же стихотворных речений, а наипаче чтоб никаких иноязычных слов не было») [4, с. 125], резко выступает против использования грамматических архаизмов («число двойственное весьма излишнее какъ и другіе непотребные и излишніе правила в граматике введены, и темъ оная надмерно трудна и невразумительна учинена») [15, с. 88].

Однако, противореча самому себе, Татищев выступает против русских форм типа *хочу, чужее, праздник, бью, лью, любить*, отстаивая соответствующие церковнославянские *хошу, чуждее, праздник, бию, лию, любити*, русское полногласие он рассматривает как «порчу» языка: «есть же славянского языка многие слова прибавкою или убавкою некоторых букв от простых людей перепорчены, яко вместо *глава, мразъ, гладъ, страна, двадесать* пишут *голова, мороз, голодъ, сторона, дватцать* и пр. тому подоб. которое сугубо в лексиконах полагать или в канцелярском употреблений запретить нужно» [15, с. 88].

Основными критериями, следовательно, при оценке подхода Татищева к проблемам русского литературного языка того времени являются: 1) суждения о русской графике и орфографии; 2) лексикографическая деятельность; 3) личная языковая практика (к сожалению, язык сочинений Татищева еще не подвергался изучению, хотя влияние летописных традиций и особенностей переводов того времени в нем явственно ощущается).

Чувство ответственности за судьбы родного языка руководило Татищевым при выдвижении предложений о реформе русского алфавита и правописания. Известно, что проблемы орфографии в переломные эпохи развития литературных языков всегда выдвигались на первый план. Об этом наглядно свидетельствует история таких славянских языков, как сербскохорватский, словацкий, чешский, украинский, белорусский. Не был исключением и русский язык: нужно было освободиться от обветшалых одежд церковнославянской письменно-графической традиции. «Рассуждения о всем кирилловском алфавите» (около 1745 г.), принадлежащие Татищеву, до сих пор не обнаружены. Об их содержании мы можем судить только на основании писем к В. К. Тредиаковскому (от 18 февраля 1736 г.) и И. Д. Шумахеру (от 16 ноября и 24 декабря 1747 г.), а также краткого обобщения в «Разговоре двух приятелей о пользе науки и училищах», который, по словам Г. В. Плеханова, «дает гораздо больше, нежели обещает его заглавие. Это чуть не целая энциклопедия. В нем излагается все миросозерцание этого замечательного человека» [21, с. 64].

Анализ этих материалов свидетельствует, что В. Н. Татищев гениально установил соотношение живой речи и системы русского письма, определив на многие годы пути усовершенствования русского алфавита. В своих предложениях ученый опирался на фонетический принцип, имевший в ту эпоху прогрессивное значение, ибо свидетельствовал о росте национального самосознания, стремлении порвать с церковнославянской традицией и опереться на живую разговорную речь. Орфографические предложения Татищева сводятся к следующему:

1) Исключить из алфавита «равногласные» (не различающиеся в произношении) буквы, а также буквы, не имеющие звукового значения или передающие целые слоги («сложенные» буквы). Он писал: «Что орфографій русской касается то мнѣ весьма дивно, для чего сочинители славенской азбуки такъ много излишнихъ равногласныхъ и сложенныхъ букв то есть слоговъ за Буквы наклали» [15, с. 86]. В связи с этим Татищев предла-

гает: а) заменить *ѣ* посредством *е* [15, с. 86]; б) два начертания буквы «земля» заменить посредством *s* [15, с. 86—87]; в) вместо *и*, *і*, *у* («ижица») пользоваться одной буквой *і* [15, с. 87]; г) обозначать *ѿ* (с тремя видами титлов) одной буквой *о* [15, с. 87]; д) передавать *Ѹ* («ук») посредством *у* [15, с. 87]; е) исключить *Ѡ* («оть») [15, с. 87]; ж) заменить буквы *щ*, *ѣ* («кси»), *ѡ* («пси») написаниями *сч*, *кс*, *пс* [15, с. 87]; з) исключить *ѣ* и *ѡ*, не имеющих фонетических эквивалентов [15, с. 87]; и) заменить *у* («ижица») в греческих заимствованиях типа *еуангеліе* буквой *е* [16, с. 87].

2) Ввести в русский алфавит некоторые буквы: а) букву *h*, которая соответствовала бы латинской [22, с. 401]; б) использовать букву *g* для передачи взрывного, а перевернутую — для передачи соответствующего фрикативного согласного [23, с. 382]; в) букву *j* для передачи сочетания *jo* в словах типа *ѣж*, *мѣд* [4, с. 95].

Таким образом, спорными и не вполне обоснованными у Татищева являются два пункта: 1) замена *щ* сочетанием *сч* (он нередко и собственную фамилию писал *Татисчев*); 2) некоторая нелогичность и отчасти ошибочность относительно использования *jo*, так как *мед* не равно [mjod]. Что касается *ѣ* и *ѡ*, то, по мнению Б. А. Успенского, особое произношение фиты как *ѣт* могло отражать реальные факты [24, с. 83]. Согласно предложениям Татищева, русский алфавит «убавился» бы на 15 букв и имел бы следующий вид: *а, б, в, г, д, е, ж, з, и, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ф, х, ц, ч, ш, ы, я, э, ю, ъ*. Не обошел вниманием Татищев и вопросы пунктуации [25, с. 171].

Велики заслуги Татищева в области русской лексикографии как современного ему языка, так и в истолковании многих древнерусских слов. Интерес ученого к истории и географии, этнографии и праву, языку и топонимике народов России вызвал появление анкет-вопросников. В 1734 г. он составил анкету из 92 вопросов и разослал ее в разные города Сибири. Не удовлетворенный качеством ответов, в 1737 г. он составляет «Предложение о сочинении истории и географии российской», состоящее из 198 вопросов и явившееся программой экспедиции для ряда поколений исследователей Сибири [26, с. 239].

К анкетам Татищев прилагал словник, содержащий наиболее употребительные слова, к которым нужно было дать перевод на языке местного населения. Эти словники с переводами образуют рукописные двух- и трехязычные словари тюркских, финно-угорских и монгольских языков. Обычно они содержат 450—500 слов [27]. Необходимы дополнительные разыскания, чтобы установить связь полученных Татищевым материалов со «Сравнительными словарями всех языков и наречий» П. С. Палласа.

Позднее Татищев приступает к составлению более обширных словников. В 1739 г. он составляет «Лексикон, сочиненный для приписывания иноязычных слов обретающихся в России народов, для которого выбраны только такие слова, которые в простом народе употребляемы». Этот рукописный словарь от начала алфавита до слова *покой* содержит уже 4932 слова [28, с. 40].

Более обширным является второй рукописный лексикон Татищева, содержащий 16300 слов и изданный А. П. Аверьяновой [29]. В ряде случаев к словам даны стилистические пометы [29, с. 16]. Противопоставление «словенских» и «русских» слов можно проиллюстрировать такими парами, как *алчба* — *голод*, *бездна* — *пропасть*, *мзда* — *заплата*, *область* — *волость*, *дщерь* — *дочь*, *осмь* — *восемь*, *агнец* — *ягненок*, *вождь* — *водитель*, *глава* — *голова*, *воинство* — *войско*, *искупити* — *выкупити*, *избирати* — *выбирати*; *бисер* — *жемчуг*, *око* — *глаз*, *всадник* — *ездец*, *общество* — *ватага*, *доколе* — *пока*, *благость* — *доброта*, *пепел* — *зола* и т. п. Не случайно, что составители «Словаря Академии Российской» (1789—1794) использовали материал этого словника. Сам Татищев нигде не указывает критериев своей нормализации русской лексики. Очевидно, он определял на основе собственного языкового чутья степень понятности того или иного слова.

Деятельность Татищева в области нормализации русского литературного языка первой половины XVIII в. представляет собой первые попытки



кодификации русской речи, которые «в известной мере подготовили почву для появления грамматики Ломоносова» [24, с. 5].

Предметом особого исследования должны послужить труды В. Н. Татищева по истолкованию множества древнерусских слов. Это связано как с работой над «Историей Российской», так и с подготовкой к печати открытых Татищевым текстов «Русской Правды» и «Судебника Ивана IV». Часть этих материалов вошла в незавершенный первый в России энциклопедический справочник «Лексикон российский исторический, географический, политический и гражданский». Татищева отличало глубокое знание толкуемых реалий и слов, исторических подробностей и географических фактов. Разбираемые С. К. Буличем «этимологические домыслы наших историков» XVIII в., включая Татищева [30], не сопровождались анализом тех слоев древнерусской лексики, которые Татищев знал превосходно.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Пирмаханова У. Б. О лингвистическом наследии В. Н. Татищева. — В кн.: Проблемы диахронного анализа грамматического строя русского языка. — Сб. трудов [МОПИ им. Н. К. Крупской], 1977, вып. 10, с. 91—98.
2. Пирмаханова У. Б. В. Н. Татищев как лексикограф. — Лингвистический сборник [МОПИ им. Н. К. Крупской], 1978, вып. 11, с. 122—123.
3. Клосс Б. М., Корецкий В. И. В. Н. Татищев и начало изучения русских летописей. — В кн.: Летописи и хроники. 1980. М., 1981.
4. Татищев В. Н. Разговор дву приятелей о пользе науки и училищах. — В кн.: Татищев В. Н. Избранные произведения. Л., 1979.
5. Татищев В. Н. История Российская. Т. I. М. — Л., 1962.
6. Татищев В. Н. История Российская. Т. VII. Л., 1968.
7. Татищев В. Н. Избранные труды по географии России. М., 1950.
8. Strahlenberg Ph. J. Das Nord-und Ostliche Theil von Europa und Asia, Stockholm, 1730 (переиздано: Szeged, 1975).
9. Андреев А. И. Труды и материалы В. Н. Татищева о Сибири. — Советская этнография, 1936, № 6.
10. Вдовин И. С. История изучения палеоазиатских языков. М. — Л., 1954, с. 17—139.
11. Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков. 2-е изд. М., 1969.
12. Кононов А. Н. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. Л., 1972, с. 70—73.
13. Насилов Д. И. Об алтайской языковой общности (К истории проблемы). — В кн.: Тюркологический сборник. 1974. М., 1978, с. 90—108).
14. Горцевская В. А. Очерки истории изучения тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1959.
15. Обнорский С. П., Бархударов С. Г. Хрестоматия по истории русского языка. Часть II. Вып. II. М., 1948.
16. Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. X. М. — Л., 1957.
17. Татищев В. Н. Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской. — В кн.: Татищев В. Н. Избранные произведения. Л., 1979.
18. Горшков А. И. История русского литературного языка. М., 1969.
19. Головенченко Ф. М. Сборник пословиц В. Н. Татищева. — Уч. зап. [МГПИ им. В. И. Ленина], 1961, т. 160.
20. Андреев А. И. Переписка В. Н. Татищева за 1746—1750 гг. — Исторический архив. Т. VI. М. — Л., 1951, с. 245—314.
21. Плеханов Г. В. «Ученая дружина» и самодержавие. 2. В. Н. Татищев. — В кн.: Плеханов Г. В. Соч. Т. XXI. М. — Л., 1925.
22. Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. VII. М. — Л., 1952.
23. Тредиаковский В. К. Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой и о всем, что принадлежит к сей материи. СПб., 1748.
24. Успенский Б. А. Первая русская грамматика на родном языке. Доломоносовский период отечественной русистики. М., 1975.
25. Демидова Н. Ф. Инструкция В. Н. Татищева о порядке преподавания в школах при уральских казенных заводах. — Исторический архив. Т. V. М. — Л., 1950.
26. Попов Н. В. В. Н. Татищев и его время. Эпизод из истории государственной, общественной и частной жизни в России первой половины прошедшего столетия. М., 1861.
27. Doerfer G. Ältere westeuropäische Quellen zur kalmückischen Sprachgeschichte. Wiesbaden, 1965.
28. Аверьянова А. П. Рукописный лексикон Татищева. — Уч. зап. ЛГУ, 1957, № 197, сер. филол., вып. 23.
29. Аверьянова А. П. Рукописный лексикон первой половины XVIII века. Л., 1964.
30. Булич С. К. Очерк истории языкознания в России. Т. I (XIII в. — 1825 г.). СПб., 1904, с. 262—263.